

БОЛЬШАЯ ЛИТЕРАТУРА

ПРОЗА ДАВИДА МАРКИША

ДАВИД МАРКИШ

ЕВРЕЙ
ПЕТРА ВЕЛИКОГО

ССЫЛКИ

МОСКВА 2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М26

Оформление серии *С. Прохоровой*

Иллюстрация на переплете *Л. Кузнецовой*

*Ранее книга выходила под названием
«Еврей Петра Великого,
или Хроника прохожих людей»*

Маркиш, Давид.

М26 Еврей Петра Великого : роман / Давид Маркиш. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 352 с. — (Большая литература. Проза Давида Маркиша).

ISBN 978-5-699-90935-3

При дворе императора Петра Великого верой и правдой служили арапы и немцы, умом и талантом пробив себе дорогу, достигали при его дворе высоких чинов калмыки, чухонцы и дети многих других народов. Умный гамбургский еврей Ян Лакоста, прибывший в Россию в поисках счастья, решил сделаться шутом. И вот среди карликов, чувствительных заплечных дел мастеров и прочей развлекающей царя братии появился шут, который не смеялся, а плакал... Зачем нужна Петру грустная еврейская песня? Может быть, затем, чтобы услышать самую подлинную, глубинную правду о том, что происходит в его стране?..

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Маркиш Д.П., 2016
© Кузнецова Л., иллюстрация
на переплете, 2016
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-90935-3

Темные пятна на светлом фоне

Блистательная эпоха Великого Петра изобилует темными местами. Первый и, возможно, самый основной вопрос, самое непроясненное место: что подвигло Петра взяться за реформы, подобных которым благолепная Русь не видела даже в самых дурных снах? Что послужило не причиной тому, а поводом? Да и был ли повод?

Думаю, был.

Всеобъемлющим итогом Петровских реформ должна была стать европеизация России. Мой друг Олжас Сулейменов в «Аз и Я» проникновенно и убедительно обрисовал те затяжные периоды, когда Древняя Русь «равнялась» на Великую Степь. Но это подравнивание не привело к расцвету нации, а Чингисханово наше-

ствие разрушило и сожгло наработанные связи с восточными соседями. Между тем Западная Европа, счастливым образом избежавшая знакомства с грубыми монголами, демонстрировала технический и культурный прогресс. Москва с недоверием на это поглядывала: «Нам такого не надо...»

При Петре выяснилось, что — надо.

Руку к этому категорическому «надо» приложил, как мне кажется, веселый человек — женевец Франсуа Лефорт. Потомки этого весельчака, мирно проживающие и поныне в городе Женеве, задали мне при встрече лобовой вопрос: «А знаете ли вы, что наш предок Франсуа был авантюрист?» И разъяснили: «Он согласился принять от вашего царя звание адмирала — а сам на море никогда не бывал, только на берегу нашего женевского озера Леман... Так поступить мог только авантюрист». Так вот, этот Лефорт привел молодого царя на Кукуй — в Немецкую слободу, носящую сегодня название Лефортово (кстати, женевские потомки вынашивают идею подать в суд на Московское правительство и добиваться переименования — их не устраивает, что имя их предка-авантюриста ассоциируется с печально знаменитой тюрьмой). Там, на Кукуе,

на европейском островке в российском дремучем океане, проживала в аккуратном чистом домике (герань на окнах, клетчатая скатерочка на столе — все как после «евроремонта») свободная девица Анна Монс. Петру понравилась Слобода, особенно ему понравилась девица, носившая, как выяснилось в ходе визита, белые панталоны с кружавчиками — предмет туалета, вовсе неведомый русским девушкам.

Понятие «перестройка» не вчера родилось в России, не завтра исчезнет; шея немеет от верченья головой с Востока на Запад, с Запада на Восток. По примеру европейской Немецкой слободы Петр задумал перестроить свою Россию, надеть на нее кружевные панталоны, западный камзол. Сказано — сделано: «Мы за ценой не постоим!» И то, что камзол тесен в плечах, не суть важно: обносится, куда денется...

Петр был человеком отважных решений: до поры до времени он не оставлял мысли на Анне Монс жениться, «берег ее для себя». Потом передумал: женился на портомое Марте, будущей самодержице Екатерине Алексеевне.

Произошло это накануне Прутского похода против турок, в котором «высшее начальство» по обычаям того времени сопровождали дамы.

Отправилась с мужем и новобрачная Екатерина.

То, что случилось на берегу Прута — в изображении подцензурных историков, — не выдерживало, на мой взгляд, критики. Да и критики никакой не было: пошел, мол, ловкач Шафиров, вице-канцлер, к Великому визирю, всучил ему взятку — и вот уже развязан гибельный мешок, остатки русских войск уходят с миром, со знаменами и пушками восвояси. Зачем понадобилось турку брать взятку у еврея, когда через считанные часы вся армейская казна оказалась бы в руках у «басурманина»? И казна, и драгоценности Екатерины, не говоря уже о пушках со знаменами, что прибавило бы воинской славы Великому визирю. А так, едва успев воротиться домой, сел оскандалившийся визирь на кол: суд был скор... Обо всех этих красочных деталях историки молчали, набрав в рот прутской воды.

«Прутская конфузия» смущала умы пытливых людей. В подготовительных материалах к так и не написанному роману о Петре Первом Пушкин пристально вглядывается в очертания этой темной истории: у него, несомненно, возникали вопросы, на которые однозначных ответов не было. Или, может, уже и тогда суще-

ЕВРЕЙ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

ствовал «спецхран», допуск в который получал далеко не каждый? Не дали же Пушкину свободно знакомиться с документами о Пугачевском бунте — лишь выборочно. Вместе с тем совершенно естественно, что Империя не желала рассекречивать на потеху всему свету те двусмысленные обстоятельства, которые показали бы ее лицо в неблагоприятном освещении.

Роль личности в Истории обсуждается уже бог весть сколько времени; Марк Алданов хорошо об этом писал. Роль личности — это, по существу, роль случая, а то и случайности. Действительно, закономерным ли было поражение французов при Бородино (закипающий гнев народа, кутузовская тактика, совет в Филях) или всему виною «знаменитый» насморк великого императора, который вполне мог бы и не случиться — а вот случился же! При Пруте главную роль сыграл незадачливый Великий визирь Мехмет. В результате переговоров с Шафировым и последующей сделки, стоившей ему жизни, Мехмет избавил русскую армию от поражения (соотношение сил было 1 к 10), царя от плена или смерти (Петр был к этому готов), Россию — от новой Смуты. Шафиров, по существу, был лишь статистом — он ничего не решал. Решал и решил старый турок, возникла

новая, неожиданная ситуация — и Екатерина подчинилась воле обстоятельств.

Назавтра Петр с женой отправились отдыхать в Карлсбад, армия, изнемогающая от болезней и бескормицы, поплелась на родину, а Шафиров в качестве заложника был отвезен в Стамбул — сидеть там под замком в подвале Семибашенного замка и учить турецкий язык.

Эта история, которую я впервые услышал от турецкого дипломата в Тель-Авиве, представляется мне куда более правдоподобной, чем сомнительная официальная версия о взятке. Официальные версии для того и существуют, чтоб им не доверять; примеров тому тьмы, и тьмы, и тьмы.

Давид Маркиш

1

Шапка. 1689

В Панских рядах московского Китай-города не шляхетской честью торгуют; а торгуют там тканью и мехом, одежкой и колотыми дровами, санями и телегами без учета сезона (добрый хозяин готовит сани летом, а телегу — зимой), вином из-под полы и пирогами с лотка, и еще чем придется и что бог на душу положит: вилами, сыромятиной, овсом, огненным зельем и зельем приворотным в тряпце, сушеной ногой песчаного крокодила, излечивающей от дурной болезни лепры. Когда-то, в давние времена, здесь, передают, вели торг истинные поляки с усами и в кунтушах, а нынче одно название оста-

лось от тех времен, и торгуют в рядах русаки и тарва, жида и саможратцы и жмудь болотная — все вперемешку; но иногда встречаются и полячишки.

Место здесь бойкое, ходовое: еще при Лжедмитриях, в Смуту, прибрали поляки это место к рукам, да так оно с тех пор от рук их до конца и не отлипло. Виден отсюда Кремль, и Василий Блаженный на площади, и людские толпы после дурманного зрелища утренней казни и смертной муки оттекают от Лобного места к Панским торговым рядам: раз уж притопали ни свет ни заря со всех концов Москвы и близлежащих деревенок глазеть на палаческое мастерство, то стоит и на базар заглянуть, благо он рядом, поглазеть на товары да на купцов, купить гвоздей, пожевать горяченького... Нет лучшей рекламы базару, кабаку или бардаку, чем пыточная площадь, расположенная по соседству: вид чужой муки и смерти понукает поскорей тратить деньги, пить и гулять.

Лавка Евреинова стояла невдалеке от центра рядов — одна из богатых лавок богатого купца; одежда мужская, женская и детская, полотняная и суконная, шелковая и бархатная, с золотым и серебряным шитьем и простая, вовсе без шитья, была аккуратно разложена внутри просторной крепкой лавки и навалена соблазнительным ворохом на прилавке у входа для оглядывания и ощупывания прохожим базарным людом. При прилавке, впереди и сбоку от него, неот-

ЕВРЕЙ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

лучно находился сиделец — малого роста и тучного сложения, с быстрым взглядом ленивых глаз молодой человек по имени Петр Шафиров. Ни соработников, ни помощников не было у него в лавке: он управлялся один. Купец Евреинов отдавал должное коммерческим и прочим способностям этого молодого человека, и не без оснований: Шафиров твердо знал счет и итальянскую бухгалтерию, свободно говорил по-английски, по-немецки и по-голландски и ни разу еще не был пойман на воровстве. Одет сиделец был скромно, но далеко не нище: в просторный мешковатый кафтан коричневого сукна, из-под которого выглядывали темно-синие штаны, заправленные в кожаные сапоги, знававшие лучшие времена. Лениво поглядывая на зубцы Кремлевской стены и на сверкающие морозным золотом купола Ивана Великого, Шафиров постукивал озябшими ногами по не оттаявшей еще вглубь земле, по жирной, весенней, убитой тысячами лаптей, сапог и голых пяток глине, перемешанной с конским навозом, соломой и опилками. Апрель выдался в этом году свежий, с холодными по-мартовски утрами и вечерами. Надо бы зайти в лавку, накинуть на плечи тулупчик, да не хочется трогаться с места, отрывать взгляд от врезанных в нежную синь красных крепостных зубцов. Вот так стоять на холодном ветру, на солнышке — и думать, а как бы и не думать... С утра выучил двадцать фран-

цузских слов, надо выучить еще двадцать... Сегодня на Красной площади одного разбойника сажают на кол, другого дерут кнутом и еще одну бабу закапывают живьем, — значит, толпа будет большая и люди явятся на базар через час, не раньше... Интересно, правда ли, что царь Петр уже четвертый день не вылезает от Монсиhi, из Немецкой слободы, и к молодой жене не ездит. Не зря ж ее, Монсиху, так и прозвали: Петровские ворота.

Прохладно, прохладно, так и лихорадку схватить недолго... Шафиров поплотней запахнул кафтан на груди и, с подозрением глядя на невесть откуда явившегося разбитного торговца пирогами, ждал, когда пройдет он мимо прилавка с одеждой: пальцы у него жирные, да и на руку он, скорей всего, нечист. А пирожник, ухмыляясь в полрожи, не спешил проходить. Скача в своих лаптях по лужам и далеко разбрызгивая грязь, то ли приплясывая, то ли просто для согрева, он одной рукой отбивал дробь о дощатую стеночку лотка, повешенного на шею, а другой придерживал дудку, сунутую в рот. Поймав беспокойный взгляд Шафирова, лотошник выплюнул дудку и, скача и паясничая пуще прежнего, запел, затараторил скороговоркой: «Кому сапоги, а кому и пироги! С пылу, с жару, берите пару! А ежли к ужину, то берите дюжину!»

Нарочно, что ли, он расплясался прямо посреди лужи, этот проклятый лотошник! Тяжелые брызги

ЕВРЕЙ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

грязи из-под лаптей летели во все стороны, черная густая жижа легла строчкой на полу бархатного кафтана, выложенного на прилавке.

— Ну, ты! — прошипел сквозь зубы Шафиров и тяжело двинулся на плясуна.

— Вот он я! — пропел лотошник и одним скачком вымахнул из лужи. — Берешь, что ли, пироги? Вот с зайчатиной, с собачатиной, с кошатиной, с лягушатиной! Запьешь водкой — проскочат в глотку! А запьешь водой — будешь весь свой век худой!

Выйдя из лужи и обтряся грязь с сапог, Шафиров прислонился спиной к прилавку. Он терпеть не мог людей, шумно веселящихся ни с того ни с сего, без всякой на то причины. Этот шалопай с дудкой, худой и оборванный, вызывал в нем омерзение. Такой и в карман залезет, и по морде даст ни за что ни про что.

А шалопай меж тем продолжал скакать, теперь уже посуху, и свистеть в дудку, и ротозеи высовывались из лавок и глазели на дурака. Шафиров с досадой плюнул в лужу и отвернулся.

Если в речке нет воды, —

держа дудку на отлете, запел лотошник, —

Значит, выпили жиды.

Жид, жид, жид, жид

По веревочке бежит.